

“МЫ” И “ДРУГИЕ”

Т.А. РЯБИЧЕНКО,
Н.М. ЛЕБЕДЕВА

Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения*

В статье представлены результаты сравнительного эмпирического исследования взаимосвязи установок по отношению к иммиграции и субъективного благополучия граждан России, Германии, Великобритании и Израиля. Они свидетельствуют о том, что негативно воспринимаемые последствия иммиграции снижают субъективное благополучие граждан всех исследуемых стран, в то время как установки на ограничение иммиграции ведут к повышению субъективного благополучия принимающего населения. Авторы интерпретируют полученные результаты с позиций теории интегральной угрозы и теории социальной идентичности.

Ключевые слова: иммиграция, субъективное благополучие, установки по отношению к иммиграции.

The article presents the results of comparative empirical research of interrelation between attitudes towards immigration and subjective well-being among host populations of Russia, Germany, Great Britain and Israel. The results show that negatively perceived consequences of immigration decrease the subjective well-being whereas attitudes towards rejection of immigration promote higher subjective well-being among the host population members, in all four countries. Authors explain these results using The Integrated Threat theory and Social Identity Theory.

Keywords: immigration, subjective well-being, attitudes towards immigration.

В современной Европе и мире миграционные процессы приобрели массовый характер: в 2010 г. общее количество иммигрантов в разных странах составило 214 млн, а к 2050 г. прогнозируется увеличение этого количества до 405 млн [World... 2010], то есть практически вдвое. Процессы внутренней миграции добавляют к существующему количеству еще порядка 740 млн, так что примерно одну седьмую часть населения всего мира уже составляют мигранты. В то же время в общественном мнении

* В статье использованы результаты проекта “Социокультурные и психологические факторы экономической активности и психологического благополучия”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Рябиченко Татьяна Анатольевна – младший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (НИУ–ВШЭ).

Лебедева Надежда Михайловна – доктор психологических наук, профессор, заведующая Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований НИУ–ВШЭ.

сохраняется преобладание негативных установок по отношению к иммиграции над позитивными [World... 2011].

Проведенный ВЦИОМ в августе 2013 г. опрос россиян показал, что большая часть населения страны склоняется к негативной оценке иммиграции и связывает этот процесс с ростом преступности и коррупции (65%), усилением конкуренции на рынке труда (56%) и негативно влияет на экономику страны (40%). Более половины опрошенных не считают, что при помощи иммиграции можно решить демографические проблемы (53%), многие не согласны с тем, что иммигранты обогащают культуру страны (45%). Занятость иммигрантов во многих сферах респондентами также оценивается преимущественно негативно (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114322>).

Таким образом, даже объективно положительные последствия иммиграции, такие как восполнение трудовых ресурсов и улучшение демографической ситуации, оцениваются населением скептически. Можно даже говорить о том, что для некоторой его части наличие иммигрантов превратилось в раздражающий фактор. Встает вопрос: влияет ли иммиграция на психологическое благополучие граждан принимающих стран? Связаны ли негативно оцениваемые последствия иммиграции с установками на ее ограничение и способны ли данные установки позитивно влиять на субъективное благополучие принимающего населения? Поиску ответов на эти вопросы и выявлению психологических причин негативных установок по отношению к иммиграции в межкультурной перспективе и посвящено наше исследование.

Субъективное благополучие и отношение к иммиграции

В качестве одного из главных критериев успешности проводимой государством политики может выступать качество жизни населения. Во многих междисциплинарных исследованиях важнейшей характеристикой качества жизни считается субъективное благополучие [Diener, Oishi, Lucas, 2003]. Оно представляет собой генерализованную психологическую оценку людьми своей жизни. Д. Майерс и Э. Динер выделили когнитивный и аффективный (эмоциональный) компоненты субъективного благополучия. Когнитивный компонент включает в себя общую удовлетворенность жизнью, которая, в свою очередь, зависит от оценки удовлетворенности различными сферами жизни, такими как семья, здоровье, работа, доход и т.д. Аффективный компонент субъективного благополучия связан с положительными или отрицательными эмоциями по отношению к различным сферам жизни или жизненным событиям [Myers, Diener, 1995; Diener, Diener, Diener, 1995].

Уровень субъективного благополучия определяется на основе широкого круга показателей, и только часть из них поддается объективной оценке. Это ВВП на душу населения, уровень преступности, уровень доходов и т.п. Другая часть может быть оценена с помощью субъективных представлений людей о здоровье, доходах, уровне преступности и жизни в целом [Huppert... 2009; Lim, Putnam, 2010].

Объективные и субъективные показатели благополучия взаимосвязаны, однако существуют страновые, культурные и другие различия этих связей. Динер и коллеги показали, что субъективное благополучие и богатство взаимосвязаны. Если доходы высоки, то эта связь ослабевает, но данный паттерн проявляется по-разному в разных странах [Diener... 1993]. Кроме высокого уровня доходов, в качестве предикторов субъективного благополучия также могут выступать социальное равенство, позволяющее всем индивидам достигать своих целей, и принадлежность к индивидуалистской культуре [Diener, Diener, Diener, 1995]. Ойши и другие на основе результатов исследований субъективной оценки счастья с 1972 по 2008 г. в США пришли к выводу, что она связана с воспринимаемым неравенством в доходах населения: при его росте уровень счастья снижался, причем это *не было связано* с реальными доходами респондентов [Oishi, Kesebir, Diener, 2011].

М. Моррисон с коллегами по результатам опроса, проведенного Gallup Organization в 128 странах, выявили, что предиктор удовлетворенности жизнью на индивидуаль-

ном уровне – удовлетворенность ситуацией в стране, а модераторами данной связи являются: уровень доходов, условия проживания, ВВП, возможность выбора места проживания и регион [Morrison, Tay, Diener, 2011]. В этом же исследовании было показано, что в более бедных странах и в коллективистских культурах по сравнению с индивидуалистскими оценка ситуации в стране оказывается более сильным предиктором удовлетворенности жизнью, чем удовлетворенность здоровьем, работой и условиями жизни.

Дж. Дели на основе анализа данных Международного исследования ценностей (World Values Survey) в 48 странах пришел к выводу, что в богатых и бедных странах детерминантами счастья могут выступать разные факторы: в бедных странах – уровень материального благополучия, в богатых больший вес имеют постматериалистические ценности – индивидуальная автономия и самовыражение (творчество, креативность) [Delhey, 2010].

В настоящее время для многих государств иммиграция стала серьезным вызовом вследствие увеличивающихся миграционных потоков. Так, к середине XXI в. доля населения иностранного происхождения в странах Европы может достичь 30% от общей численности [Coleman, 2008]. Объективные и воспринимаемые последствия миграции способны оказывать серьезное влияние на субъективное благополучие жителей принимающих стран.

Для стран-реципиентов, в частности для России, международная миграция является “наиболее быстрым и, что немаловажно, недорогим решением” проблемы убыли трудовых ресурсов [Женщины-мигранты... 2011], поэтому, на первый взгляд, безоговорочно должна приводить к положительно оцениваемому результату. Однако процессы миграции затрагивают многие сферы жизни, поэтому вызывают неоднозначную оценку со стороны принимающего общества. Как показывают результаты исследования установок по отношению к иммигрантам в европейских странах, примерно половина европейцев настроена против иммиграции, 40% европейцев выступают против предоставления иммигрантам гражданских прав, а 20% из них избегают социальных контактов с иммигрантами как в публичной, так и в частной сфере [Majority... 2005].

Одним из предикторов негативных установок по отношению к иммигрантам выступает воспринимаемая угроза [Стратегии... 2009; Citrin... 1997; Raijman, Semyonov, 2004; Sniderman, Hagendoorn, Prior, 2004; Riek, Mania, Gaertner, 2006; Sides, Citrin, 2007; Raijman... 2008; Semyonov, Glikman, 2009; Schlueter, Scheepers, 2010; Ceobanu, Escandell, 2010; Fitzgerald... 2012]. Основными типами угроз могут выступать угрозы экономической и культурной безопасности. Объяснительными моделями здесь могут быть теория социальной идентичности [Tajfel, Turner, 1986], теория реального конфликта [Le Vine, Campbell, 1972] и теория интегральной воспринимаемой угрозы [Stephan, Stephan, 2000].

В качестве аутгрупп выступают социальные группы, не рассматриваемые представителями групп большинства как принадлежащие к нации. Это могут быть как группы, представители которых не имеют формального членства (например, гражданства), так и группы, субъективно определяемые как не относящиеся к доминирующей группе (национальные меньшинства) [Blank, 2003].

В основе воспринимаемой экономической угрозы лежит конкуренция между группами на социально-экономическом уровне или борьба за ресурсы. В данном случае ресурсами, выступающими в качестве объекта конкуренции, могут быть: уровень зарплат, рабочие места, социальные гарантии, образование, здравоохранение, жилье, что можно отнести к объективным социально-экономическим условиям, которые также связаны с удовлетворенностью различными сферами жизни, удовлетворенностью жизнью в целом и субъективным благополучием.

Эмпирические исследования показали, что лица с низким социально-экономическим статусом демонстрируют большую склонность к восприятию аутгруппы в качестве угрожающей их благополучию. В ситуации экономического спада или нестабильности уровень воспринимаемой экономической угрозы возрастает и усиливает

негативные установки [Majority... 2005; Raijman, Semyonov, 2004; Sides, Citrin, 2007; Ceobanu, Escandell, 2010; Schlueter, Scheepers, 2010]. С отношением к иммигрантам также могут быть связаны и экономические представления, такие как отношение к конкуренции, деньгам, бедности и богатству.

Однако причинами конкуренции между группами бывают не только материальные интересы и ресурсы. Наличие иммигрантов может восприниматься как угроза культурной гомогенности страны, национальной идентичности и образу жизни, то есть как культурная угроза (см., например, [Raijman, Semyonov, 2004; Schneider, 2008]). В развитых европейских странах это оказывает более сильное влияние на антииммигрантские установки, чем экономическая неудовлетворенность [Sniderman, Hagendoorn, Prior, 2004; Sides, Citrin, 2007], и проблема иммиграции уже трансформировалась из проблемы рынка труда в проблему национальной идентичности [Raijman... 2008].

Культурные и экономические причины не взаимоисключающи и дополняют друг друга, оказывая совместное влияние на установки по отношению к иммигрантам. В то же время решение экономических проблем и экономическое благополучие могут ослаблять антииммигрантские установки у членов принимающего общества, но напрямую не ведут к их исчезновению.

Уровень воспринимаемой угрозы возрастает, если между группами существует большая культурная дистанция. Однако исследования показывают, что в странах с продолжительной историей иммиграции уровень воспринимаемой угрозы оказывается более низким [Schneider, 2008]. Беспокойство о защите культуры и образа жизни также может быть связано с различием в ценностях [Sniderman, Hagendoorn, Prior, 2004]. Но даже внутри одной и той же страны национальная идентичность оказывается ключевым аспектом образа “Я” для одних людей и имеет значительно меньшую значимость для других [Roccas, Schwartz, Amit, 2010], что, несомненно, окажет влияние на восприятие угрозы, уровень субъективного благополучия и, как следствие, на установки на ограничение иммиграции.

Так как воспринимаемые последствия иммиграции могут касаться различных сфер жизни людей (культуры, экономики, сферы занятости, уровня преступности, судопроизводства и т.п.), целью нашего исследования стало выявление связи между воспринимаемыми последствиями иммиграции, установками на ее ограничение и субъективным благополучием принимающего населения. Для выявления страновой специфики этих связей мы провели сравнительный анализ данных Европейского социального исследования (ESS) в четырех странах (пятая волна – 2010 г.).

Данное исследование характеризуется “высокими методологическими стандартами при конструировании опросников” [Ceobanu, Escandell, 2010] и представляет собой большой массив данных по странам. Кроме того, ESS содержит вопросы, затрагивающие оценку воспринимаемых последствий иммиграции, установок по отношению к приему иммигрантов, а также субъективную оценку удовлетворенности жизнью и уровня счастья. Были выдвинуты следующие гипотезы:

- негативное восприятие последствий иммиграции отрицательно связано с субъективным благополучием принимающего населения;
- негативное восприятие последствий иммиграции положительно связано с установками принимающего населения на ограничение иммиграции;
- установки на ограничение иммиграции положительно связаны с субъективным благополучием граждан принимающих стран, и эта связь различна в разных странах.

Методика исследования

Выборку исследования составили граждане четырех стран – России, Германии, Великобритании и Израиля. Такой выбор обусловлен тем, что Россия, Германия и Великобритания – лидирующие страны по общему количеству прибывающих иммигрантов. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD)), в 2009 г. приток иммигрантов в

Россию составил 279,9 тыс. человек, в Великобританию – 471,0 тыс., в Германию – 606,3 тыс., в Израиль – 14,6 тыс. [International... 2011]. Данные страны различаются по длительности истории иммиграции. Германия и Великобритания начали принимать трудовых мигрантов достаточно давно, тогда как для Израиля и России иммиграция – сравнительно нова и непривычна.

Различаются страны и по параметру культурной гомогенности. Германия и Израиль – культурно более гомогенны, что связано с изначально этнической моделью построения данных государств. В случае Великобритании можно говорить о преимущественно гражданской модели построения государства и меньшей культурной гомогенности [National...2005]. В культурно-гомогенных странах восприятие культурной угрозы со стороны иммигрантов может оказаться более выраженным. В свою очередь, по данным Всемирного банка за 2011 г., в рассматриваемой четверке стран наименьший ВВП на душу населения приходится на Россию – 13 089 долларов, в Израиле и Великобритании он составляет 31 282 и 38 818 долларов, соответственно, наибольший ВВП на душу населения в Германии – 43 689 долларов [World... 2012]. Данный факт может вносить вклад в меньшую удовлетворенность жизнью в России, а также усилить восприятие экономической угрозы, что способно вызвать рост негативных установок по отношению к иммигрантам.

Перечисленные факторы могут оказывать воздействие на отношение населения этих стран к приему иммигрантов, а также сказываться на влиянии иммиграции на субъективное благополучие. С целью выявления отношения к иммиграции населения групп этнического большинства из общей выборки были исключены не имеющие гражданства жители и представители этнических меньшинств. В ESS это определяется при помощи переменных *ctzcntr* (*citizen of country* – гражданин страны) и *blgetmg* (*belong to minority ethnic group in country* – принадлежность к группе этнического меньшинства в стране). Демографические характеристики выборки по странам представлены в таблице 1.

Таблица 1

Демографические характеристики выборки в России, Германии, Великобритании и Израиле

Страна	Объем выборки	Пол		Возраст	
		Мужчины количество(%)	Женщины количество (%)	М	SD
Россия	2221	910 (41,0)	1311 (59,0)	46,8	18,6
Германия	2821	1462 (51,8)	1359 (48,2)	48,3	18,5
Великобритания	2162	935 (43,2)	1227 (56,8)	51,2	18,9
Израиль	1379	577 (41,8)	802 (58,2)	47,3	19,6

В данных ESS нами использовались три группы переменных: оценка субъективного благополучия, негативно воспринимаемые последствия иммиграции для экономики и культуры, а также установки на ограничение иммиграции в стране. Формулировки вопросов на русском языке взяты с сайта “Европейское социальное исследование в России” (<http://www.ess-ru.ru/>). Для оценки субъективного благополучия использовались ответы респондентов на два вопроса: “Принимая во внимание все стороны жизни, насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?” (1.1) и “Учитывая все стороны вашей жизни, насколько вы счастливы?” (1.2). В данном блоке используется одиннадцатибальная шкала, оценке “0” соответствует ответ “совершенно неудовлетворен/очень несчастлив”, оценке “10” – “полностью удовлетворен/очень счастлив”.

Воспринимаемые последствия иммиграции в ESS оцениваются как негативные или позитивные в зависимости от оценки респондентами следующих утверждений: “Как вы считаете, то, что люди из других стран переезжают в [вашу] страну, в целом хорошо или плохо сказывается на экономике страны?” (2.1); “Скажите, как вы

считаете, приток людей из других стран скорее разрушает или скорее обогащает культуру страны?” (2.2). В нашем исследовании для оценки негативного восприятия последствий иммиграции данные были перекодированы так, что “0” – это максимально положительная оценка, “10” – максимально отрицательная. Ответы респондентов на данную группу вопросов свидетельствуют об уровне воспринимаемой угрозы со стороны иммигрантов.

Установки по отношению к принятию иммигрантов в ESS оцениваются в зависимости от выбранного респондентом утверждения по отношению к следующим высказываниям: “Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения страны, переезжать жить в нашу страну?” (3.1); “А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны?” (3.2); “А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?” (3.3). Используется четырехбалльная шкала, которая содержит 4 утверждения: баллу “1” соответствует утверждение “следует позволить многим”; “2” – “следует позволить некоторым”; “3” – “следует позволить лишь немногим”; “4” – “никому не разрешать”. То есть чем выше балл, тем более выражены установки на ограничение иммиграции.

В исследовании при помощи программы обработки статистических данных SPSS 17.0 вычислялись средние значения по ответам на вопросы, составляющих шкалы воспринимаемых последствий иммиграции и установок на ее ограничение. Это позволило более точно интерпретировать результаты. Проверка согласованности вопросов шкал производилась при помощи программы AMOS 19.0. Здесь нами использовался конфирматорный факторный анализ. При помощи моделирования структурными уравнениями была построена и протестирована на выборках из четырех стран теоретическая модель связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия (см. рис. 1).

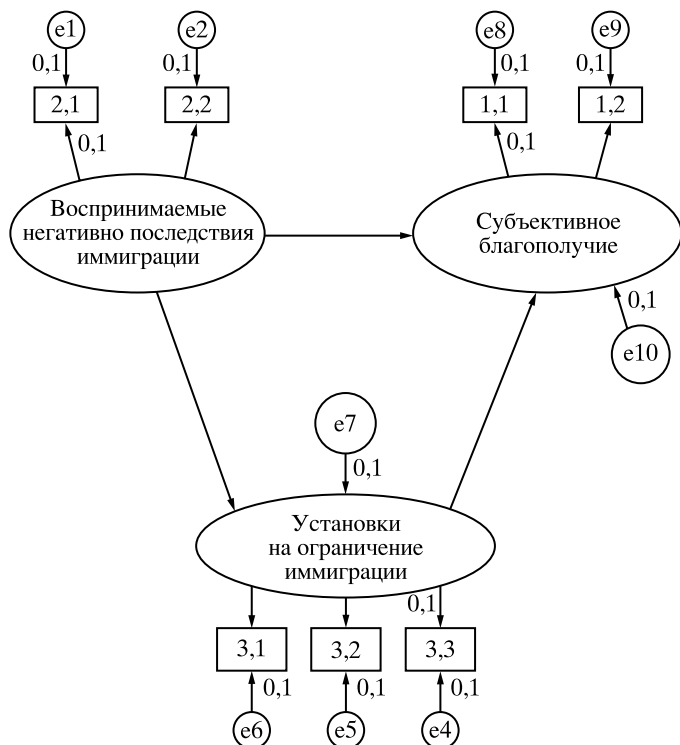

Рис. 1. Теоретическая модель связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия.

Результаты исследования

Проверка теоретической модели связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия на российской выборке дала отрицательную корреляцию ошибок переменных, связанных с установками на ограничение иммиграции представителей своей этнической группы и представителей бедных неевропейских стран. Для улучшения модели была исключена переменная 3.1 (принятие иммигрантов из собственной этнической группы). Такая модель (модель 1) оказалась также достоверной для выборок из Германии и Израиля. Характеристики модели для России, Германии, Израиля, Великобритании представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели модели взаимосвязи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия в России, Германии, Израиле и Великобритании

Страна	χ^2	df	CMIN/DF	p	CFI	RMSEA	PCLOSE
Россия	4,94	6	0,82	0,55	1,000	0,000	1,000
Германия	10,57	6	1,76	0,10	0,999	0,017	1,000
Израиль	10,70	6	1,78	0,10	0,998	0,025	0,958
Великобритания	16,50	6	2,75	0,01	0,998	0,029	0,981

При проверке этой модели на выборке из Великобритании “не сработала” переменная, связанная с установками на ограничение иммиграции из бедных неевропейских стран ($p = 0,01$). После исключения этой переменной (3.3) и замены ее на переменную, связанную с установками на ограничение иммиграции представителей той же расы или этнической группы (3.1), модель (модель 2) оказалась достоверной ($p = 0,06$). Характеристики такой модели для Великобритании: $\chi^2 = 12,09$, $df = 6$, $p = 0,06$, $CMIN/DF = 2,015$, $CFI = 0,999$, $RMSEA = 0,022$, $PCLOSE = 0,997$.

Шкала установок на ограничение иммиграции, используемая в первой модели, обладает конфигуративной инвариантностью для России, Германии и Израиля. В случае Великобритании достоверность модели, использующей вопросы 3.2 и 3.3, не отвечает в полной мере требованиям к показателям качества моделей. Поэтому стандартизированные регрессионные коэффициенты для России, Германии и Израиля приводятся в соответствии с первой моделью, для Великобритании – со второй (см. табл. 3). Итоговые модели для России, Германии, Великобритании и Израиля изображены на рисунках 2, 3, 4 и 5, соответственно.

Как показывают результаты, представленные в таблице 3, во всех четырех странах негативно воспринимаемые последствия иммиграции позитивно связаны с установками на ее ограничение. В свою очередь, негативно воспринимаемые последствия иммиграции негативно связаны с субъективным благополучием. Что касается установок на ограничение иммиграции, можно говорить об их позитивной связи с субъективным благополучием в России, Великобритании и Израиле.

Статистическая значимость различий в показателях воспринимаемых последствий иммиграции и установок на ограничение иммиграции между странами не оценивалась, поскольку нет условия эквивалентности шкал для всех четырех выборок. В то же время расчет средних значений показателей воспринимаемых последствий иммиграции показал, что в России опасения, касающиеся негативных последствий иммиграции для культуры страны, преобладают над опасениями по поводу последствий для экономики ($M = 6,34$, $SD = 2,44$ и $M = 6,11$, $SD = 2,58$, соответственно). В остальных странах на первом плане оказываются опасения за последствия для экономики.

При измерении установок по отношению к принятию иммигрантов использовалась четырехбалльная шкала, поэтому значения выше двух можно отнести к негативным установкам. Наиболее благоприятные во всех странах – установки по отношению к принятию иммигрантов из своей этнической группы: в случае России и Германии они

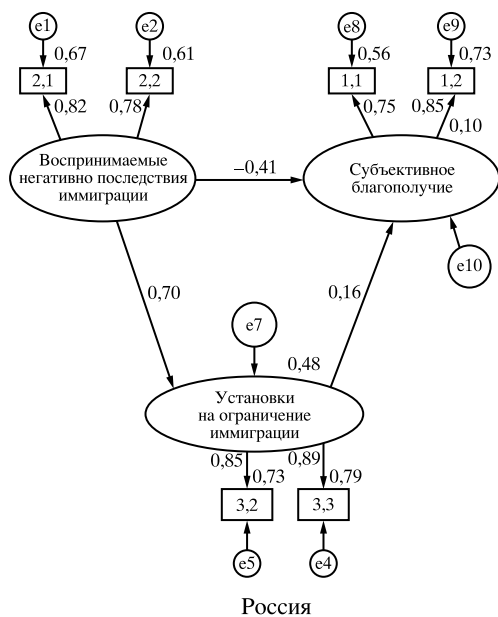

Рис. 2. Итоговая модель связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия для России.

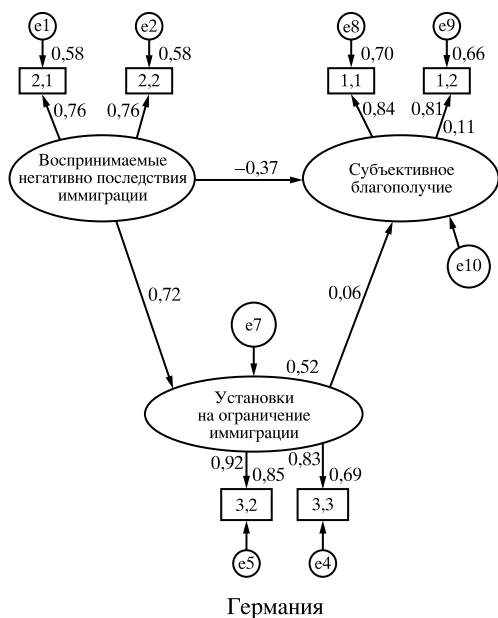

Рис. 3. Итоговая модель связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия для Германии.

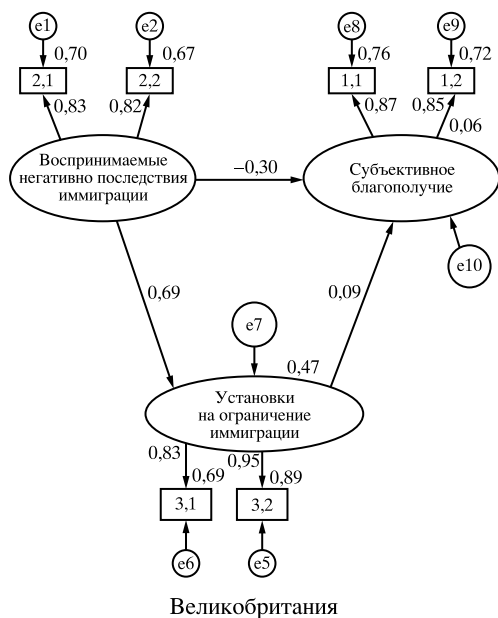

Рис. 4. Итоговая модель связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия для Великобритании.

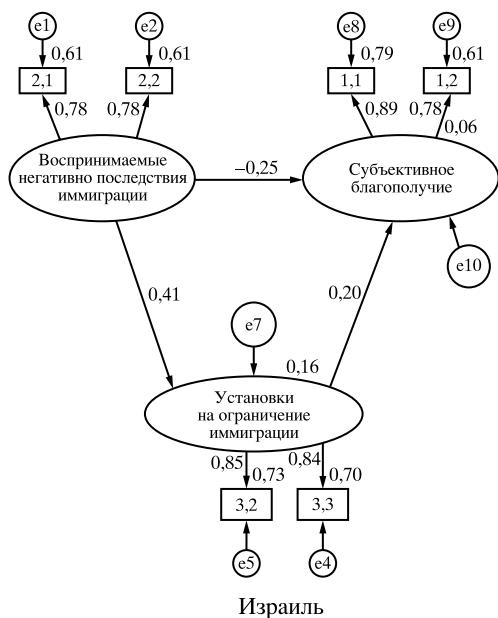

Рис. 5. Итоговая модель связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия для Израиля.

Стандартизированные регрессионные коэффициенты связи негативно воспринимаемых последствий иммиграции, установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия в России, Германии, Великобритании и Израиле

	Россия		Германия		Великобритания		Израиль	
	β	R ²	β	R ²	β	R ²	β	R ²
Негативно воспринимаемые последствия иммиграции → установки на ограничение иммиграции	0,70***	0,48	0,72***	0,52	0,69***	0,50	0,41***	0,16
Негативно воспринимаемые последствия иммиграции → субъективное благополучие	-0,41***	0,10	-0,37***	0,11	-0,30***	0,06	-0,25***	0,06
Установки на ограничение иммиграции → субъективное благополучие	0,16***		0,06		0,09*		0,20***	

Примечание: * $p < 0,05$, *** $p < 0,001$.

близки к нейтральным ($M = 2,01$, $SD = 1,00$ и $M = 1,99$, $SD = 0,80$, соответственно); в Израиле их можно отнести к позитивным ($M = 1,68$, $SD = 0,90$). Наименее благоприятны – установки по отношению к принятию иммигрантов из бедных неевропейских стран, что наблюдается во всех четырех странах (от $M = 2,41$ в Германии до $M = 2,89$ в Израиле).

Представленные в таблице 3 результаты свидетельствуют, что негативное восприятие последствий иммиграции отрицательно связано с субъективным благополучием группы большинства во всех четырех странах. Это может быть объяснено с точки зрения воспринимаемых угроз экономической и культурной безопасности: если последствия иммиграции воспринимаются как негативные для культуры и (или) экономики страны, то это приводит к снижению удовлетворенности принимающего населения отдельными сферами жизни и снижает субъективное благополучие.

Негативное восприятие последствий иммиграции положительно связано с установками на ограничение иммиграции (см. табл. 3). Данный паттерн повторяется во всех четырех исследуемых странах и объясняет порядка половины дисперсии. Исключение составляет Израиль, для которого процент объясняемой дисперсии существенно ниже – 16%. Возможно, это вызвано тем, что в Израиле наиболее благоприятно отношение к иммигрантам из своей этнической группы, в то время как оценка воспринимаемых последствий иммиграции проводится в обобщенном виде.

В наибольшей степени на принятие иммигрантов из той же этнической группы, что и большинство населения, настроены граждане Израиля и Германии. Исторически данные государства строились как этнические [Raijman, Semyonov, Schmidt, 2003], поэтому приток иммигрантов, принадлежащих к той же этнической группе, что и большинство населения, не воспринимается как угроза. Несмотря на то, что Россия – многонациональное государство, большинство населения здесь – русские (по данным на 2010 г. – 80,9%), поэтому представители той же этнической группы, так же как в Израиле и Германии, могут быть приняты с большей легкостью.

Меньше всего жители всех четырех стран хотят видеть у себя иммигрантов из бедных неевропейских стран. Во-первых, таких иммигрантов легче отнести к категории аутгрупп вследствие более очевидных визуальных различий. Во-вторых, они в большей степени могут восприниматься в качестве угрозы устоявшемуся образу жизни в стране в силу далекой культурной дистанции.

Установки принимающего населения на ограничение иммиграции положительно связаны с субъективным благополучием в России, Великобритании и Израиле (см. табл. 3). Получается, что в этих странах восприятие иммигрантов в качестве “угрожающей”

аутгруппы снижает субъективное благополучие, в то время как сопутствующие такому восприятию установки на ограничение иммиграции его повышают. Объяснением здесь может служить теория социальной идентичности [Tajfel, Turner, 1986], в соответствии с которой позитивные различия в пользу ингруппы повышают субъективный статус ее членов. Следовательно, установки на ограничение иммиграции повышают субъективный статус тех, для кого деление на “мы” и “они” оказывается значимым при оценке субъективного благополучия. В то же время процент объясняемой дисперсии в данном случае невелик: от 6% в Израиле до 10% в России.

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Негативное восприятие последствий иммиграции снижает субъективное благополучие принимающего населения.
2. Негативное восприятие последствий иммиграции ведет к появлению установок на ограничение иммиграции у граждан принимающих стран.
3. Установки на ограничение иммиграции могут повышать субъективное благополучие принимающего населения, и данная связь имеет страновую специфику.
4. Результаты исследования дают основания говорить о том, что субъективное благополучие принимающего населения связано не только с воспринимаемыми последствиями иммиграции, но определяется отношением респондентов к групповому членству. В том случае, когда иммигранты не рассматриваются в качестве принадлежащих к ингруппе (из бедных стран, неевропейцы, члены другой этнической группы и т.п.), установки на их “отторжение” позволяют повысить субъективное благополучие принимающего населения, которое снижается при восприятии последствий иммиграции как негативных.

* * *

В нашем исследовании рассмотрена связь отношения принимающего населения к иммиграции и субъективного благополучия. Если характер связи субъективного благополучия и негативного восприятия последствий иммиграции вполне предсказуем, поскольку иммигранты могут восприниматься в качестве источника экономической и культурной угрозы для принимающего населения, то положительная связь установок на ограничение иммиграции и субъективного благополучия – факт, не столь очевидный. Проведенное исследование показало, что на субъективное благополучие может оказывать влияние и групповая идентичность. Это проявляется, в частности, в разном отношении группы большинства к членам групп мигрантов в зависимости от культурной дистанции и экономического статуса.

Для дальнейших исследований в этом направлении в дополнение к рассмотренным конструктам (субъективное благополучие, восприятие последствий иммиграции, установки на ограничение иммиграции) необходимо использование переменных, связанных с отношением индивидов к групповому членству, таких как параметры этнической и гражданской идентичности. Это позволит построить более точную объяснительную модель для выявления связи отношения к иммиграции и субъективного благополучия принимающего населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М., 2011.
- Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. Сборник научных статей. М., 2009.
- Blank T. Determinants of National Identity in East and West Germany: an Empirical Comparison of Theories on the Significance of Authoritarianism, Anomie, and General Self-esteem // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24. № 2. Special Issue: National Identity in Europe.
- Ceobanu A.M., Escandell X. Comparative Analyses of Public Attitudes Toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: a Review of Theories and Research // *Annual Review of Sociology*. 2010. Vol. 36.
- Citrin J., Green D.P., Muste C., Wong C. Public Opinion Toward Immigration Reform: the Role of Economic Motives // *Journal of Politics*. 1997. Vol. 59. № 2.
- Coleman D. The Demographic Effects of International Migration in Europe // *Oxford Review of Economic Policy*. 2008. Vol. 24. № 3.

- Delhey J.* From Materialist to Post-Materialist Happiness? National Affluence and Determinants of Life Satisfaction in Cross-National Perspective // *Social Indicators Research*. 2010. Vol. 97. № 1.
- Diener E., Diener M., Diener C.* Factors Predicting the Subjective Well-being of Nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. № 5.
- Diener E., Oishi S., Lucas R.* Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54.
- Diener E., Sandvik E., Seidlitz L., Diener M.* The Relationship between Income and Subjective Well-being: Relative or Absolute? // *Social Indicators Research*. 1993. Vol. 28.
- Fitzgerald J.K., Curtis A., Catherine L., Corliss C.L.* Anxious Publics: Worries About Crime and Immigration // *Comparative Political Studies* 45. 2012. Vol. 4.
- Huppert F.A., Marks N., Clark A., Siegrist J., Stutzer A., Vitterso J., Wahrendorf M.* Measuring Well-being across Europe: Description of the ESS Well-being Module and Preliminary Findings // *Social Indicators Research*. 2009. Vol. 91. № 3.
- International Migration Outlook 2011 (http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook_1999124x).
- Le Vine R., Campbell D.T.* Ethnocentrism: Theories of Conflict, Attitudes and Group Behavior. New York, 1972.
- Lim C., Putnam R.* Religion, Social Networks, and Life Satisfaction // *American Sociological Review*. 2010. Vol. 75.
- Majority Populations' Attitudes Towards Migrants and Minorities. European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia. Vienna, 2005.
- Morrison M., Tay L., Diener E.* Subjective Well-being and National Satisfaction: Findings from a Worldwide Survey // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22.
- Myers D.G., Diener E.* Who Is Happy? *Psychological Science*. 1995. № 6.
- National Identity and Attitudes Towards Migrants – Findings from the ISSP // *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*. 2005. Vol. 7. № 2.
- Oishi S., Kesebir S., Diener E.* Income Inequality and Happiness // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. № 9.
- Rajman R., Davidov E., Schmidt P., Hochmann O.* What does a Nation owe Non-citizens?: National Attachments, Perception of Threat and Attitudes towards Granting Citizenship Rights in a Comparative Perspective // *International Journal of Comparative Sociology*. 2008. Vol. 49.
- Rajman R., Semyonov M.* Perceived Threat and Exclusionary Attitudes toward Foreign Workers in Israel // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27.
- Rajman R., Semyonov M., Schmidt P.* Do Foreigners Deserve Rights? Determinants of Public Views Towards Foreigners in Germany and Israel // *European Sociological Review*. 2003. Vol. 19. Issue 4.
- Riek B., Mania E., Gaertner S.* Intergroup Threat and Outgroup Attitudes: a Meta-analytic Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. № 4.
- Roccas S., Schwartz S.H., Amit A.* Personal Value Priorities and National Identification // *Political Psychology*. 2010. Vol. 31.
- Schlueter E., Scheepers P.* The Relationship between Outgroup Size and Anti-outgroup Attitudes: A Theoretical Synthesis and Empirical Test of Group Threat- and Intergroup Contact Theory // *Social Science Research*. 2010. Vol. 39.
- Schneider S.L.* Anti-immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat // *European Sociological Review*. 2008. Vol. 24. № 1.
- Semyonov M., Glikman A.* Ethnic Residential Segregation, Social Contacts, and Anti-minority Attitudes in European Societies // *European Sociological Review*. 2009. Vol. 25.
- Sides J., Citrin J.* European Opinion about Immigration: the Role of Identities, Interests and Information // *British Journal of Political Science*. 2007. Vol. 37.
- Sniderman P.M., Hagendoorn L., Prior M.* Predisposing Factors and Situational Triggers: Exclusionary Reactions to Immigrant Minorities // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. № 1.
- Stephan W.G., Stephan C.W.* An Integrated Threat Theory of Prejudice // *Reducing Prejudice and Discrimination*. New Jersey, 2000.
- Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986.
- World Bank Group, 2012 – (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>).
- World Migration Report 2010 – World Migration 2010: The Future of Migration: Building Capacities for Change. Switzerland // International Organization for Migration (publications.iom.int/bookstore/free/WMR_2010_ENGLISH.pdf).
- World Migration Report 2011 – World Migration 2011: Communicating effectively about migration. Switzerland // International Organization for Migration (publications.iom.int/bookstore/free/WMR_2011_ENGLISH.pdf).